

ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА ФОМИНА. ПЬЯНАЯ КРЫСА НА КУХНЕ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Евгения Чучо, Зденка Матек Шмит

Задар, Хорватия

Summary: This paper analyzes syntactic aspects of *Drunk rat in the kitchen* short story written by contemporary Russian author V.A.Fomina. Examples provided unambiguously witness to the changes in Russian language that have taken place in the last decades of 20th century.

Виктория Анатольевна Фомина – современная русская писательница (родилась в 1965 г.). Она окончила постановочный факультет Школы-студии МХАТ и Литинститут и работала завлитом и художником-постановщиком в театрах Москвы и русской так называемой провинции. Получила премию «Золотой Остап» (1999). Эта премия – названная по имени «великого комбинатора» Ильи Ильфа и Евгения Петрова – первый в истории СНГ приз за наивысшие достижения в жанре сатиры и юмора. Фомина печатается как прозаик с 1998 года.

Рассказ, анализируемый нами, не отличается атмосферой открытого юмора, его лишь слегка пронизывает иронический оттенок. Это проза, которая, судя по своему современному стилю, могла бы выйти из-под пера любого автора современной литературы из любой части света, хотя в этом тексте ощутимы реминисценции и русской, в большинстве своем мужской, прозы. В ней слышны отголоски деликатности и утонченной иронии Чехова, фрагментарности и мелодичности Белого, аграмматичности Розанова, его же небрежности выражений и ненормативности языка. Мы могли бы уйти в еще более далекое прошлое, упомянув пародийность и насмешливость Достоевского или даже гротескную гиперболизацию и недосказанность Гоголя.

Героиня рассказа, в то же время рассказчица, – молодая, современная, экономически независимая женщина, а потому не обремененная отношениями мужчин и женщин настолько, насколько обременены, к примеру, героини Людмилы Петрушевской. Характер ее не предопределили ни национальная принадлежность, ни локальность – она могла бы происходить из любой точки земного шара. Она не похожа на вымотанную советскую женщину, подобно трагическим героиням Петрушевской¹. И она вовсе не трагична. В рассказе она защищает честь свою и своего супруга, противостоя другой паре, брату супруга и его жене.

¹ Кроме Петрушевской, которую относят и к «новой волне» в литературе («альтернативной»), или «новой литературе», т.е. постреализму), и к постмодернизму, среди множества русских женских авторов можно выделить Т.Толстую, Л.Улицкую, В.Токареву, Н.Садур.

Этот небольшой по объему текст представляет сгусток ярких языковых средств, проявляющихся на разных языковых уровнях, и посему может послужить образцом для анализа. Свое внимание мы сосредоточили на синтаксическом уровне языка.

Несмотря на то, что синтаксис изменяется сравнительно медленно, реформы в российском обществе не могли не вызвать многочисленных изменений в его системе. Активизируется так называемый разговорный синтаксис, отмеченный расчлененностью синтаксических конструкций, фрагментарностью. Анализируемый текст изобилует краткими, сегментированными построениями, разделяемыми точками вместо запятых:

*Нет, привыкла я жить. В доме. Этом. Всегда...
Как хочется отдохнуть. По-человечески...
Нужно страдать. И любить эту боль.
Но все-таки если не художник, то писатель. Просыпается. И не на заре. А когда в зените. Наверху.
Хозяйка накрыла на стол, и разговаривают. Она и еще жена, две женщины, жена гостя и сам гость без жены.
Поднялся Пашечка. Вернее, при-поднялся. Руками взмахнул. Выдохнул.
И отбросил все тяжелое и ненужное. Как-то даже переступил через себя неподвижного. Но неловко. Зацепился за ногу. И съехала она с кровати. И потащила весом своим за собой другую.
Все, Пашечка. Посуду опять мыть. Тебе, конечно.*

Парцеллированные конструкции выполняют функцию дополнительного высказывания, уточняют, поясняют, распространяют, оценивают, а тем самым усиливают смысловые и логические акценты.

Расчлененность реализуется в частом использовании изолированных номинативов – слов в именительном падеже и именных словосочетаний с главным словом в форме именительного падежа. Лишенные значения бытия и интонационной законченности, не выполняющие коммуникативную функцию, свойственную номинативным предложениям, они всегда стоят при другом предложении, связываясь с ним логически и интонационно. В рассказе находим примеры препозитивных и постпозитивных номинативов:

*Такое несчастье. В доме, в семье, на голову Пашечке. Все ей на голову, свалилось, так неожиданно...
Да, Пашечка. Один. ТАМ, конечно, лежит, как все.
Вот сейчас пойду открою. Дверь.*

Характерной особенностью разговорного синтаксиса является предикативная осложненность предложения. Такое явление контаминации имитирует процесс говорения, мы словно наблюдаем формирование мысли на ходу, тем самым создается впечатление свободы, спонтанности, неподготовленности речевого акта. Подобные структуры характерны для прозы, целиком построенной как размышление, как разговор с собой:

Сколько теперь пролежит, одному Богу известно.

А ты – под зад коленом.

А ты, тетюха-матюха, за его спиной, как за пазухой.

И когда умрет, на похороны – ни ногой!

Расчлененность и фрагментарность синтаксических построений сказались и на ослаблении синтаксических связей; актуализацию переживают несогласуемые и неуправляемые словоформы, где на первое место опять выходит именительный падеж, однако в данном случае речь идет о «зависимом» именительном, который распространяет другое существительное, обозначая объект при глаголе. Например: *Взять за правило: каждый день перед сном записывать и читать молитву. Как клятва.* Или «зависимый» именительный нарушает синтаксическую цепочку, вытесняя даже инфинитив, выполняющий функцию подлежащего: *Друзья, когда на пенсии, особенно не получается* (ср.: *Дружить пенсионерам особенно не получается*). Экспансия именительного падежа – яркое явление влияния устной речи, формирующейся на ходу, на речь письменную.

Изменения, наблюдаемые на всех языковых уровнях, происходят и под влиянием внутренних законов языка. Одним из них является закон экономии речевых средств, вызывающий синтаксическую компрессию, разновидностью которой можно назвать скрытую диалогизацию. Анализируемый рассказ – показательный пример скрытой диалогизации, понятие которой разработано еще М.М. Бахтиным: «Представим себе диалог двух, в котором реплики второго собеседника пропущены, но так, что общий смысл нисколько не нарушается. Второй собеседник присутствует незримо, его слов нет, но глубокий след этих слов определяет все наличные слова первого собеседника. Мы чувствуем, что это беседа, хотя говорит только один, и беседа напряженнейшая, ибо каждое наличное слово всеми своими фибрами отзывается и реагирует на невидимого собеседника, указывает вне себя, за свои пределы, на несказанное чужое слово» [Бахтин 1963: 264].

Изложение событий представляет собой поток сознания главной героини, происходящее проходит через призму ее мнений, чувств, настроений. Причем в этом внутреннем монологе мы не только узнаем о мыслях рассказчицы, мы даже как будто «видим» ее поступки и поступки (движения, жесты) других героев. Примеры:

Словесная визуализация движений: Входите, входите... Я сейчас. Фартук, и все такое...; Посмотрите сами. Шкаф. Кресло. Да, два. Три. Всего – четыре. Два – здесь и два – в другой комнате. ТАМ, куда сейчас пойдём...; И холодно на балконе. Но все равно, выходите, посмотрите...; Пальцем и пальчиком, трогайте, пожалуйста, вы оба. Так – один, и вторая, – браво!; Тепло от плиты, газ горячий, синий по краям и красный внутри; Вот вам, на стол, всегда держу; Коридор. И бегство гостей непрошенных.

Реконструкция целого диалога через реплики одного собеседника: *Нет, привыкла я жить. В доме. Этом. Всегда. Так... Хорошая? Глупости какие...; Да, лето, когда зеленые листочки, да. Очень; А вы где? Конечно, догадалась. Как же. Там, возле парка и Дома Советов; Попробовать подушечку, потрогать? Конечно, можно; Позвонили бы... Да, конечно! Уже пять лет, как телефон; Вы уехали тогда, значит? Да, знаю. Но приехали ведь; Никогда не рассказывали. Да, не пришлось, не приходилось. Где уж нам; Ну, потом, значит, домой решили. Он – человек подневольный. Какое там; Но вы ведь с Пашечкой знаете, как пошел... А? Да-да-да, тогда, кажется, вот это самое и случилось...*

Исаак Бабель, этот великий стилист русской прозы XX века, рассуждая о значимости синтаксических средств языка, однажды сказал (по К.Паустовскому): «Все абзацы и вся пунктуация должны быть сделаны правильно, но с точки зрения наибольшего воздействия текста на читателя, а не по мертвому катехизису. Особенно великолепен абзац. Он позволяет спокойно менять ритм и часто, как вспышка молнии, открывает знакомое нам зрелище в совершенно неожиданном виде. Есть хорошие писатели, но они расставляют абзацы и знаки препинания кое-как» [Паустовский 1967: 341]. Графическое оформление анализируемого рассказа вызывает к себе повышенное внимание. Текст разделен на множество абзацев, зачастую очень коротких, состоящих из одной, двух или трех строк, перемежающихся с редкими обширными абзацами в 11 и 12 строк, что создает впечатление легкости, подвижности, неотягощенности структуры. Причем абзацы не начинаются с привычных «красных строк», а отделяются пропущенной строкой.

Большой вклад в создание эмоционально насыщенного текста вносит и пунктуация. По выражению Н.С.Валгиной, в прозе конца XX века пунктуация достигла такого уровня развития, когда она стала выразителем тончайших оттенков смысла и интонации, ритма и стиля. С течением времени меняется значение знаков препинания и частотность их употребления. Так, например, текст *Пьяной крысы на кухне* изобилует знаками препинания ввиду преобладания парцеллятов, расчлененных и фрагментарных конструкций. Однако использование точек, запятых и многоточий явно превалирует над количеством двоеточий (их только 10), а точек с запятой, например, вообще нет, хотя их употребление подразумевается в начале рассказа, когда мы имеем дело с перечислением. По данным Н.С.Валгиной, в XIX веке и двоеточие, и точка с запятой были очень активными знаками препинания, однако ситуация, закрепленная в ныне действующих Правилах орфографии и пунктуации (1956 г.), значительно изменилась, а современные потребности оформления письменной речи тем более диктуют совершенно иное распределение пунктуационных знаков.

Точка, первоначально выполняющая функцию членения текста на отдельные предложения, в современном синтаксисе приобретает частично функции запятой, отделяя парцеллированные распространители предложения.

Двоеточие несет в себе разъяснительно-пояснительную функцию, к примеру:

Взять за правило: каждый день перед сном записывать и читать молитву; Чего уж проще: сиди себе.

Однако именно многоточие – знак, бросающийся в глаза даже при беглом взгляде на рассказ. Использование многоточий в тексте настолько обильно, что иногда возникает впечатление, будто автор намеренно подменил точку как знак членения текста на отдельные предложения многоточием. Приведем абзац, занимающий лишь три строки, в котором насчитываются целых шесть случаев постановки многоточия. Это приводит нас к мысли, что использование многоточий обусловлено не структурой предложений, а особенностями произношения, интонационными нюансами:

Что-то не разберу, в глазок, мутновато что-то... Никак братец его со своей... Ну-ка, как там: «Кто там?»... А? Да, о-о-о? Точно. Ну, ничего себе! Входите, входите... Я сейчас. Фартук, и все такое... По-родственному? Да? Ну, конечно, конечно...

И надо сказать, что это не единственный случай. Исследователи подчеркивают, что значение многоточия в современной русской письменной речи не ограничивается первоначальными обозначениями заминки, незавершенности высказывания и пропуска в цитатах. Многоточие эмоционально наполнено, показывает психологическое напряжение и содержит в себе определенный подтекст. Оно оставляет читателя без комментариев, возбуждая в нем работу мысли, побуждая его достраивать сюжет, «дописывать» реплики, расшифровывать подтекст, тем самым делая его соучастником литературного произведения и, таким образом, даже соавтором. В конкретном случае, так как Фомина работала постановщиком в театрах, очевидно влияние театральных законов на анализируемый текст. Подобную недосказанность находим еще у Чехова.

В рассказе необходимо выделить яркий случай индивидуализированной, нерегламентированной пунктуации. Текст начинается с перечисления признаков крысы, причем при перечислении вместо цифр с сопровождающими знаками используется их словесное выражение: *Единица со скобкой: Двойка со скобкой: Тройка со скобкой: Четверка со скобкой – Цифра пятая со скобкой:*

Рассказ В.А. Фоминой *Пьяная крыса на кухне* – небольшой по объему текст, представляющий концентрацию языковых средств, проявляющихся на разных уровнях. Это пример современной прозы, где соединяются характеристики современной литературы (расчлененность и фрагментарность, разговорный стиль, интертекстуальность) и авторской неповторимой, не поддающейся имитации, поэтики.

ЛИТЕРАТУРА

- Бахтин 1963 – *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
- Валгина Н.С.* Синтаксис современного русского языка: Учебник. М., 2000.
Электронный ресурс: <http://www.hi-edu.ru/e-books> (2007-11-25).
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие. М., 2001. Электронный ресурс: <http://www.hi-edu.ru/e-books> (2007-11-25).
- Валгина Н.С., Светлышева В.Н.* Орфография и пунктуация: Справочник. М., 2002. Электронный ресурс: <http://www.hi-edu.ru/e-books> (2007-11-25).
- Виктория Анатольевна Фомина. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/znamia/authors/f/fomina> (2008-05-01).
- Дьячок М.Т.* Русское просторечие как социолингвистическое явление // Гуманитарные науки. М., 2003. Электронный ресурс: <http://www.philology.ru> (2008-04-25).
- Костюков Л.* Я вам пишу, чего же боле... // Русский журнал. Дружба народов, 2000. Электронный ресурс: <http://infoart.udm.ru/magazine/druzhba/n8-20/razval.htm> (2008-04-13).
- Лица русской литературы – Виктория Фомина. Электронный ресурс: <http://gallery.vavilon.ru/people/f/fomina> (2008-05-01).
- Маркова Т.Н.* Речевые модели в прозе конца XX века // Русская литература в формировании современной языковой личности. СПб., 2007. Электронный ресурс: <http://meorgr.gorpyal.ru> (2008-06-02).
- Мелешко Т.* Современная отечественная женская проза: проблемы поэтики в гендерном аспекте (введение). Электронный ресурс: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/br_vved.htm (2008-05-01).
- Паустовский 1967 – *Паустовский К.* Близкие и далекие. М., 1967.
- Руднев В.* Словарь культуры XX века. Электронный ресурс: <http://kulichki.com/moshkow/CULTURE/RUDNEW/slowar/txt> (2008-03-26).
- Фатеева Н.* Современная русская «женская» проза: способы самоидентификации женщины-как-автора. Электронный ресурс: <http://www.owl.ru> (2008-04-14).
- Федорова Л.Л.* Эмоции в грамматике. Электронный ресурс: <http://il.rsuh.ru/lib/emotions/13.pdf> (2008-04-25).
- Фомина В.А.* Рассказы // Русский журнал. Дружба народов, 1998. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/druzhba/1998/12/fomin.html> (2008-04-30).
- Яценко И.И.* Русская нетрадиционная проза. СПб., 2004.
- Теравчевић М.* Savremena ruska ženska proza, Izbor i prijevod s ruskog М.Теравчевић. Novi Sad, 2002.